

тивам» дисциплины. Вот яркая цитата о «проблеме [ее] научно-го самоопределения»: «Социология религии может рассматриваться и как одна из отраслей общей социологии, и как одно из направлений религиозоведения, и как рефлексия религиозной мысли над социальным измерением религии... Любое из этих состояний — иерархичность данных „ипостасей“, или их равноправие и взаимодополняемость, или же исключительность какой-либо из них — имеет своих приверженцев и противников. Пока что в целом наличествует динамическое равновесие указанных „дисциплинарных идентичностей“. Все они, хотя и по-разному, оказываются ограниченными...» — и далее дают-

ся великолепные формулировки этих «ограниченностей», которые я не буду здесь воспроизводить, но советую всем прочесть (с. 31–32). И далее автор показывает, как динамична предметная область дисциплины: она радикально сужается или расширяется в зависимости от трактовки того, что тот или иной социолог вкладывает в понятие «религия».

Как мы видели, М. Смирнов выбрал сложный и рискованный жанр, делающий его материал иногда трудно «приручаемым». Однако в целом это — оправданный риск, и первая оценка о чрезвычайной полезности издания остается и моим последним словом.

А. Агаджанян

**Приход и община в современном православии:
корневая система российской религиозности/
Под редакцией А. Агаджаняна, К. Русселе.
М.: Весь мир, 2011. — 368 с.**

Сборник статей, написанных участниками российско-французского проекта «Двадцать лет трансформации: религиозные и социальные практики русских православных приходов», представляет собой вполне удавшуюся попытку взвешенного и научного анализа одной из главных составляющих современной религиозной жизни России — российского православия, точнее

форм его локального существования в рамках его первичных форм — общин, прежде всего приходских. Задача, поставленная перед авторами, состояла в «многоаспектном анализе различных форм современной православной социальности», поэтому, согласно замыслу составителей, во всех статьях в той или иной степени затрагиваются несколько сквозных тем: «соотношение прихо-

дов и общин (совпадающих или не совпадающих с приходами), попытка типологизации этих объединений; состав прихожан и клира, их взаимоотношения; типы религиозного авторитета (включая авторитет приходского священника, духовника и старца); роли священников и мирян внутри приходов и общин; основные богослужебные практики (на литургии и вне ее); соотношение коллективных и индивидуальных практик в церковной субкультуре; процессы формирования приходской (общинной) идентичности; взаимосвязи между общинами и окружающим обществом» (с. 13).

Первая глава сборника посвящена «Исторической перспективе»; автор (Александр Агаджанян) вводит читателя в проблематику изучения и восприятия прихода и приходской жизни на протяжении последних ста лет. Автор выявляет те узловые проблемы, которые связывают начало XX века с началом XXI-го. Таковыми, по его мнению, являются автономность/зависимость церковных институтов по отношению к государству; роль мирян в церкви; степень самостоятельности приходского духовенства от священноначалия; переосмысление прихода в плане интенсивности внутриприходской солидарности, в плане структурного напряжения между понятиями

«приход» и «община»: «насыщение» чисто административно-территориального понятия социальным и мистическим содержанием через совместное участие в религиозных практиках и общинной жизни.

Все остальные главы представляют собой *case studies* разного рода. В разделе «Логика и динамика восстановления приходской жизни» представлены примеры приходской жизни в приходах, восстановленных в разных российских регионах в 1990-е годы. Ксения Сергазина, проводившая исследование в северо-восточном Подмоскowie, предлагает типологию современных православных приходов, обращая внимание, прежде всего, на то, что «составляет центр прихода», цементирует его: это может быть «святыня» (например, чудотворная икона), харизматический лидер или сплоченная в силу более длительного существования община (например, в сохранившемся, а не возрожденном приходе). Интересные наблюдения относительно особенностей приходской жизни в Шацке, «самом православном городе Рязанской области», делает в своей главе Ольга Сибирева: несмотря на то, что большинство прихожан являются неофитами, не имевшими опыта религиозной жизни в советское время, их религиозность во многом основана на идеях, сложивших-

ся в тот период: «акцент на аскетизме, необходимость духовного окормления у старцев, стремление к изоляции от внешнего мира» (с. 78).

В этом же разделе помещена довольно тенденциозная статья Романа Лункина «Приходы и монастыри Русской православной церкви: скрытая сила российского общества». В начале статьи автор задается вопросом: «способна ли Церковь изменить общество и его сознание, сделать его более социально ориентированным и демократичным?» и в итоге дает на него безоговорочно положительный ответ. Более того, «общество и Церковь взаимно влияют друг на друга — РПЦ демократизируется по мере вовлечения в социальную жизнь» (с. 139). Однако, как мне кажется, вывод автора чересчур оптимистичен. С одной стороны, религиозные институты, несмотря на присущий им консерватизм, действительно способны меняться, и изменения эти могут быть, среди прочего, вызваны процессами, происходящими в обществе. И все-таки, как правило, говорить о «демократических» тенденциях в традиционных религиях и тем более рассматривать их как главных агентов формирования гражданского общества представляется сильным преувеличением.

В качестве положительно-го примера Р. Лункин приводит

деятельность прихода о. Дмитрия Смирнова, известного своей «социальной и просветительской деятельностью». И, кроме того, он, по мнению автора, «открыто реагирует на современные тенденции в православии и некоторые нововведения современной культуры». Однако довольно странно характеризовать деятельность прихода лишь с точки зрения его внутренней организации и его социальной активности, даже и весьма эффективной, не принимая во внимание его идеологии (жестко консервативной в данном конкретном случае); только оценив последнюю, мы можем делать выводы и давать оценки. Впрочем, в академическом труде лучше от таких прямых оценок воздерживаться.

Один из самых интересных текстов книги — глава Жанны Корминой «Режимы православной социальности в современной России: прихожане, паломники, сетевики». Исследовательнице из Петербурга удастся найти убедительное объяснение существенному разрыву между количеством людей, декларирующих свою православность, и количеством глубоко воцерковленных, ведущих регулярную приходскую жизнь. Автор утверждает, что «приход или община является лишь одним из существующих в современном православии „религиозных режимов“» (с. 191). В статье рассматриваются три

режима православной социальности, предполагающие разную степень и способы вовлеченности в религиозную жизнь: «регулярное православие», «сетевое православие» и «нерегулярное (рекреационное) православие», — и, соответственно, три типа православных, которые сталкиваются и сосуществуют вокруг могилы известного старца на острове Залита в Псковской области.

В статье «Реформа и возрождение в двух московских православных субкультурах: два способа сделать православие современным» Александр Агаджанян анализирует Преображенское содружество малых православных братств и приход Свв. Космы и Дамиана в Шубине. Эти московские религиозные объединения, имеющие репутацию «интеллигентских» и «либеральных», заметно выделяются на фоне других, причем им присущи некие общие ключевые характеристики: «христоцентризм», ориентация на «непосредственное общение с текстом [Священного Писания], глубокая катехизация, важная роль проповеди, ярко выраженная „коллективная идентичность“ и т. п. В целом, замечает автор, «обе церковные субкультуры, похоже, вышли из одной и той же комбинации религиозных и культурных традиций, сходного круга духовных потребностей и обращались к сходной городской среде» (с. 263). Од-

нако в дальнейшем эти группы сильно разошлись: Содружество было ориентировано на радикальные и последовательные реформы, что привело к конфликту со священноначалием, гонениям и, как следствие (а отчасти как естественное развитие изначальных идей), к складыванию общины более жестко спаянной, более закрытой и однородной. Приход Космы и Дамиана, также переживший трудные времена в 1990-е годы, «был вынужден несколько изменить позиции, искать компромисс; возможно ценой такого компромисса было некоторое смещение в сторону более традиционного, хотя и не консервативного, приходского стиля» (с. 267). Несмотря на то, что обе группы могут быть отнесены к модернистскому крылу Церкви, различия принципиальны: «модернизм Содружества состоит в инновационной программе в рамках Традиции <...>, которая (программа) осуществляется как унифицированная и обязательная. В случае с космодамианским приходом мы тоже можем говорить о „модернизме“, но в ином смысле — как синониме разнообразия и гибкости, открытости по отношению к современной городской культуре». (с. 275)

В заключительном разделе книги «Грамматика церковно-приходской культуры» авторами обсуждаются ценностные установки, стержневые принципы,

конструирующие жизнь приходов. Так, французская исследовательница Кати Русселе в своей главе «Об отношениях между священниками и мирянами: послушание и благословение» исследует интерпретации понятий (и стоящих за ними практик) «послушание» и «благословение», их роль в жизни прихожан и даже устройстве прихода. Эти два понятия являются ключевыми для характеристики системы церковного авторитета, всего типа отношений внутри Церкви. Автор приходит к выводу, что эти практики можно отнести к формам социальных связей, которые Лоран Тевено назвал «грамматикой общего через близкое»: «давая благословение и налагая послушание, священник позволяет человеку стать частью общины, сообщества, будь то храм, приход или вся Церковь, которые суть те общие места, о которых говорит Тевено» (с. 314). Эти установки, доминирующие в Церкви, можно противопоставить опыту «либеральной грамматики», предполагающей «согласование взаимных уступок».

Не буду специально останавливаться на других главах книги. Стоит лишь кратко упомянуть интересный анализ Борисом Кнорре психологических типов внутри церковной субкультуры; парадоксальный вывод Ивана Забаева о господствующем в русском православии «сакральном индивидуализме»; необычный случай самоорганизации приходской общины в Тюмени в отсутствие священника в тексте Романа Поплавского и другие главы. В целом, книга представляет собой одну из первых попыток изучения современного русского православия не на уровне официальных документов и заявлений руководства РПЦ, а на «корневом» уровне, уровне общин и приходов, и такой подход погружает нас в реальные процессы, протекающие в Церкви. Остается только сожалеть, что вполне академическое, но слишком уж нейтральное название сборника вряд ли способно привлечь потенциально заинтересованных читателей.

Л. Жукова

Bellah R. N. Religion in Human Evolution. Cambridge (Mass.), London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. — 746 p.

«Религия в человеческой эволюции» — *opus magnum* известного американского социолога Роберта Беллы, книга, кото-

рая, в общем и целом, подводит итог его многолетним исследованиям. Соответственно, и цель, которую ставит перед собой ав-